

Странная Любовь

Мастер
и Виктория

18+

Странная Любовь
Мастер и Виктория

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Любовь С.

Мастер и Виктория / С. Любовь — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Жизнь прожить – не поле перейти. Судьба с самого начала испытывает ее на прочность. Отнимает самое дорогое, заставляет вслепую идти по раскаленным углям. Если каждый шаг – боль, что ты будешь делать? Пытаться избежать или искать ее? Когда весь мир против тебя, ты никому не веришь, винишь во всем себя и платишь за чужие грехи. Но однажды плата может стать непосильной. В оформлении обложки использована фотография с depositphotos.

© Любовь С., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Отец	8
Глава 2. Владлен	15
Глава 3. Зимин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог

Тяжелые капли падают на каменный пол. Этот влажный звук сводит с ума. Губы сухие, как растрескавшаяся от июльского зноя земля. Пытаюсь сглотнуть и кривлюсь от першения в горле. Там словно песок.

Глаза закрывает плотная повязка. Она влажная от слез. Ничего не вижу, но знаю, что это за место. Слишком хорошо оно мне знакомо. До дрожи в коленях, до туго свернутого узла в животе от сладкого ужаса и жуткого предвкушения. Почему я снова здесь?! Я не хочу тут быть! Пальцами ног едва касаюсь шершавого холодного камня. Одна каменная плита чуть выше и мне удастся хоть немного ослабить давление на запястья, стянутые кожаными наручниками. Я знаю, они пристегнуты к цепям, спускающимся с низкого потолка. Тело, натянутое как струна, кажется, взорвется от одного прикосновения. Руки, спина затекли, но боли нет. Пока нет. Знаю, она придет позже. Я ее боюсь. Но жду ее, потому что пытка ожиданием страшнее.

Боль... Я знаю столько ее разновидностей. Испепеляющая и почти невыносимая, нежная и приятная, колющая и режущая, разрывающая мое нутро и тянущая мои истерзанные мышцы, опаляющая кожу, заставляющая ее гореть. Накатывающая волнами, когда освобождают стянутые ремнями руки или снимают зажимы с сосков.

Мне хорошо знакома боль. Я почти ее люблю. Боль всегда честна, откровенна, и заставляет тебя быть такой же. Перед её лицом ты не сможешь притворяться безразличной, скучающей или бездушной. Не сможешь лгать. Ожидание ее – сладкая мука, что разливается толчками по напряженному телу, медленно, по клеточке, захватывает все тело. И когда ты больше не можешь ждать ее, когда готова молить о ее приходе, она вдруг дарит тебе яркую вспышку, и ты кричишь от радости освобождения и искупления.

Мягкие шаги по каменному полу. Из пересохшего, сожженного жаждой горла рвется крик. Я хочу приветствовать его, упасть в ноги. И, обняв колени, целовать их. Мой Господин. Мой Спаситель. Мой Судья и мой Палач. Но я не могу. С губ не сорвется ни единого звука. Пока он не позволит. В душной черной темноте своего сознания пытаюсь вызвать его образ. Но лица не вижу. Его просто нет. Только руки, сильные, твердые, немного шершавые. Я знаю, какое наслаждение они могут дарить. Какими быть жестокими. Знаю, что сейчас эти пальцы сжимают плоть. Уверена – он выбрал свою любимую. Кожаную, из сплетенных ремешков черного цвета. С обтянутой кожей ручкой. С металлическим наконечником, который оставляет на теле болезненные сине-черные рубцы – они не проходят неделями. Я чувствую ее запах: хорошо выделанная дорогая кожа, мой пот, моя кровь, моя боль и мое возбуждение.

Невесомое движение воздуха по обнаженному телу – и я дрожу. Дрожу от его присутствия, от исходящей от него мощи и силы. От ожидания его кары. Я готова принять все, что он дарует мне – страдание или наслаждение.

Легкое прикосновение – и меня словно бьет электрический разряд. Беспомощно дергаюсь в своих оковах и теряю слабую опору под ногами, вновь ощущая тянущее напряжение в суставах рук.

Сильная жестковатая ладонь, сухая и горячая, скользит по моему телу от горла вниз, по плечам, обводит каждую грудь, касается сосков, которые уже болят от предвкушения, ниже по животу, по внутренней стороне бедер, становится влажной, так как я уже теку, изнемогая от желания.

Едва сдерживаю крик, когда между ног врывается грубая, твердая рукоять плети. Тяжелое дыхание – это все, что мне позволено. И я дышу... дышу... сдерживаясь из последних сил. Потому как знаю: я не достойна. Мое наслаждение принадлежит Ему. Как и я. Вся. Абсолютно и без остатка.

Его пальцы легко касаются моих иссохших губ, очерчивают их контур. Чувствую на них вкус своего возбуждения.

Вздрагиваю всем телом, когда над ухом раздается тихий, низкий голос:

– Девочка, ты знаешь, за что будешь наказана?

И я с ужасом понимаю, что ответа у меня нет! Леденящий страх охватывает мою душу, запечатывает рот, заставляет дергаться в конвульсиях. Я не знаю... не знаю...

– Ну же! – настаивает голос, ледяной и жестокий. – За что? Говори!

Из горла вырывается только сипение.

– Жаль, – голос становится печальным. – Твое невнимание будет стоить тебе лишних десяти ударов. Я-то надеялся обойтись только двадцатью.

Снова ледяные пальцы страха сжимают мое сердце так, что, кажется, из него брызжет кровь.

Тридцать ударов плети... Тридцать! После пятнадцати я лежала пластом сутки. И главное, я не знаю за что! Спросить?! И добавить себе еще десяток. Но я должна знать, за что приму эту муку. Иначе не смогу ее пережить.

– Господин... Мастер, – хрипение, которое вырывается из моего горла, не может быть моим голосом, – простите, в чем мой проступок?

Хлесткая пощечина обжигает щеку, заставляя голову дернуться.

– Ты еще смеешь спрашивать?!

Голос исполнен гнева и презрения.

– Считай!

Свист плети и первый резкий удар, пришедшийся на поясницу и ниже. Нестерпимая боль прожигает кожу до мяса. В мозгу – яркий всполох, под повязкой – слезы.

– Один! – хрип пополам с криком вырывается из горла, даря крохи облегчения.

Второй удар обжигает живот и правое бедро. Металлический наконечник беспощадно жалит между бедрами, разрывая нежную плоть. Теплая струйка крови стекает вниз, щекочет кожу.

– Два! – я исторгаю этот звериный вой и изо всех сил держусь за остатки разума, чтобы не сбиться. Если я перестану считать или собоюсь, Господин начнет сначала.

Но после восьмого разум начинает терять ясность, зыбкая и вязкая серая муть просачивается в него, словно вода в пробитую обшивку подводной лодки, неумолимо заполняет собой, я чувствую, как мысли захлебываются в ней, переставая мне подчиняться.

И когда левую грудь и живот обжигает удар плети, губы не слушаются и выдавить из себя «девять» я не могу.

Жесткие пальцы сжимают мой подбородок, сдвигают повязку с выжженных слезами глаз, поднимают веки – яркий свет ослепляет. Плеть падает на пол.

Сильные руки приподнимают мое обмякшее тело и отстегивают наручники от цепей, я мешком валюсь на холодный влажный каменный пол, разбивая колени. И тут приходит невыносимая боль, она захлестывает меня от макушки до пяток. Я кричу так, что горлом идет кровь из разорванных связей, я захлебываюсь ею, хриплю, но продолжаю кричать.

– Тише... тише... – его голос почему-то стал мягким, почти испуганным, заботливым. Теплые мягкие губы – так приятно – на лбу, на щеках, на шее. Господин...

Резко распахиваю глаза, и с ужасом понимаю, что ничего не вижу. Потом загорается теплый неяркий оранжевый свет. Ласковые ладони стискиваю мои плечи, прижимают к сильному мужскому телу. Впиваюсь пальцами в него. Когда он успел развязать мои руки?

– Вик... – мое имя? Он произнес мое имя?

– Тише, родная, тише. Это сон, просто сон.

Наконец я вижу склонившееся надо мной лицо. Милое, родное, небритое и слегка помятое. Антон... Антошка... мой...

Рыдания душат, но слезы такие сладкие. Они льются и льются, и я их даже не вытираю. Боль, страх вытекают вместе с ними, оставляя горькое послевкусие.

Вжимаюсь в теплое ото сна тело мужа, оплетаю его руками и ногами, покрываю все, до чего могу дотянуться, безумными поцелуями, не обращая внимания на боль в искусанных губах.

Он, немного оторопев от этой безумной ласки, отвечает. Сначала мягко, сдерживая меня и себя, но потом распяляется, сжимает крепче, нетерпеливые губы впиваются в мои...

Утром не могу удержаться, чтобы не посмотреть в зеркало на свою спину, ягодицы и живот. Следов от плети, конечно, нет. Выдохнув сквозь зубы, иду на кухню готовить завтрак. Но из головы не идет этот жуткий в своей реальности сон. Я вижу такие сны слишком часто. Слишком.

А ведь уже почти год, как я вышла замуж за Антона, выбросила все свои странные игрушки и поклялась себе, что больше никогда не стану играть в эти жестокие игры. Никогда.

Слишком дорого мне обошлось прощание с этим темным, странным, а иногда жутким миром. Оно почти стоило мне жизни. Я не хотела о нем вспоминать. И ни за что на свете не допустила бы, чтобы тьма, которой я когда-то принадлежала, запятнала моего солнечного зайчика, моего светлого принца. Чтобы понять, что есть тьма, нужно увидеть свет. И этим светом стал для меня Антон.

Я немало приложила усилий, стерла малейшие упоминания о себе везде, где могла засветиться – на тематических сайтах, в закрытых клубах. Разослала всем своим бывшим Домам электронные письма с просьбой больше никогда меня не беспокоить. Все ответили согласием. Три столпа Темы. Добровольность, безопасность, разумность. Не нарушаемые и незыблемые. Если ты уходишь, то никто не вправе напоминать тебе о Теме.

Все ответили. Кроме одного. Я какое-то время переживала, что так и не смогла получить от него подтверждения. Но потом успокоилась. Может, он и сам давно уже отошел от Темы. Женился и растит детей. Может, уехал из страны.

Он был самым странным из всех. Самым жестоким и самым притягательным. И самым таинственным. Я не знала его имени. Никогда не видела его лица. Пока я была его «вещью», моя зависимость от него была почти религиозным безумием. Теперь я это четко видела. Вылечиться мне помог мой родной Солнечный Зайчик. И вот снова я видела загадочного Мастера в своих страшных и сладких снах.

Глава 1. Отец

Иногда я пытаюсь понять, почему моя судьба сложилась именно так. Почему я с самого детства ощущала это давящее, пригибающее к земле чувство вины, будто жесткие холодные тяжелые ладони на плечах. Я никогда ни в ком не искала причины того, что со мной происходило. Только в себе. Возможно от того, что редко находила в людях, даже самых близких, настоящее сочувствие и понимание. Поэтому привыкла надеяться только на себя.

Отца я любила исступленно. Может, потому что редко видела его дома. А может, потому что так же исступленно его любила мама. Замирала, когда он обращал на меня внимание. Дрожала от страха, боясь его огорчить. Неделями мечтала о том, как он возьмет меня за руку и отведет в кинотеатр на утренний детский сеанс. Меня распирало от гордости, когда он приходил на школьные собрания в форме, с орденскими планками. Такой красивый, такой сильный.

Я видела в маминых глазах такое же обожание. Она смотрела на него, будто на солнце, ослепленная, очарованная. Была готова простить, все что угодно.

Жесткий, грубоватый, а иногда и просто жестокий, отец был начальником убойного отдела районного УМВД маленького захолустного городка Южноуральск. Когда он приходил домой не в настроении, мама бледнела и становилась похожей на тень. Она была очень красивой. Мягкая, тихая, нежная. Тонкая как тростинка, казалась совсем маленькой по сравнению с отцом – высоким, мощным, черноволосым и смуглым. Темно-рыжие, отливающие червонным золотом волосы, белая до синевы кожа, будто сбрызнутая солнечным светом – мелкие, едва заметные веснушки нисколько не портили ее. Мама была словно робкий первый лучик солнца мартовским утром. Я любила ее нежные руки, теплые, полупрозрачные с синеватыми венками под тонкой кожей. Отец всегда говорил мне, что я похожа на нее как две капли воды.

Мама окончила музыкальное училище, но на работу так и не устроилась. Иногда к ней приходили на дом ученики. Я помню, как пряталась за креслом, старалась не дышать и слушала, как мама тихим голосом делает замечание очередному нерадивому юному дарованию.

Властный и неукротимый характер отца подавлял ее тонкую чувствительную натуру. Но она любила его. До саморастворения, до самозабвения. Прощала, плакала. И всё равно любила. Терпела унижение и боль от его ударов. Стонала от грубых ласк.

В моем детском сознании эти картинки отпечатались навсегда. Частенько отец приходил домой мрачный и угрюмый, пропитанный злобой и ненавистью, грязью и смрадом того отребья, с которым он вынужден был работать каждый день. Любой брошенный на него взгляд, неловкое движение, неудачно сказанное слово приводили его в бешенство. И тогда в ход шли кулаки. А иногда брючный ремень. Я убегала в свою комнатку, запиралась в ней, накрывалась с головой одеялом, тряслась от страха, и слушала ее крики и сдавленные стоны.

Отец меня почти не замечал. Я точно знала, что он меня не любит. Сколько раз слышала, как, он избивал в очередной раз маму, грубо матерился и кричал ей, что она, никчемная, даже не смогла родить ему сына. Это было очень больно и обидно. И, смотрясь в зеркало, я постепенно начинала ненавидеть себя за то, что не родилась мальчиком. За свои темно-рыжие локоны, за длинные ресницы и девчачью довольно ладную фигурку. Старалась носить только брюки и шорты, терпеть не могла платья и бантики, а однажды обрезала себе волосы большими портновскими ножницами. Мама плакала над моими кудрями, а отец высек меня в очередной раз ремнем, за то, что огорчила мать.

Но все это не мешало мне все так же исступленно его любить.

Единственным моим теплым детским воспоминанием об отце был подаренный им большой плюшевый медведь, изнутри наполненный доверху конфетами. Мне было девять или десять. Он пришел с работы под вечер тридцать первого декабря, пьяный, но как никогда доб-

родушный и даже погладил меня по голове. Я не верила в то, что достойна такого счастья. Так и уснула, не выпуская игрушку из рук, будто боялась, что утром она исчезнет.

До пятого класса моим спасением была школа. Помню, как ждала свое Первое сентября, вскакивала ночью с десяток раз, чтобы проверить все ли положила в портфель, и еще раз полюбоваться на свою форму – темно-синие пиджачок и юбку в крупную складку, кипельно-белую блузку с кружевным воротником. А еще я безумно гордилась лакированными черными туфельками на ремешках. И белыми гольфами с помпонами. Мама потратила много сил, чтобы убедить меня одеться «по-девчачьи», но оно того стоило.

Помню до сих пор гладиолусы, из-за которых мне почти ничего не было видно, только расчерченный мелом, едва подсохший после вчерашнего дождика асфальт перед школой.

Моя первая учительница, спокойная и строгая, Анна Евгеньевна. Наш класс был ее последним набором. Потом она собиралась на заслуженный отдых. Седые волосы, зачесанные в тугой пучок. Старомодные роговые очки. Негромкий, хорошо поставленный голос. Когда класс начинал шуметь, она говорила еще тише. А иногда посреди урока математики, отвернувшись к окну, начинала читать нам Пушкина или Фета. И мы, замороженные, замолкали.

Я была твердой хорошисткой. Никогда не входила в число «звездочек», но и тройки, а тем более двойки, хватала очень редко. Может еще потому, что знала – за каждую из них меня ждет порка отцовским ремнем.

Однажды я попыталась, как многие мои одноклассники, исправить в дневнике «тройку» на «пятерку». И, конечно же, тут же была поймана с поличным отцом. Он снова высек меня ремнем по пятой точке, уложив к себе на колени. Я стискивала зубы, чтобы не разреветься. Мама тихо плакала в соседней комнате, где отец закрыл ее, чтобы не мешала. Багровые рубцы не заживали неделю. Каждый раз, когда я садилась, я вспоминала, чего стоит ложь.

Друзей я заводила тяжело. Может, была не слишком общительной, может, сказывался тяжелый характер, доставшийся от отца – упрямый, жесткий и прямой. Я не умела ни перед кем лебезить, всегда говорила правду в лоб. Не терпела обмана и подстав, не хотела ни с кем «дружить против кого-то». С мальчишками мне было проще, а вот девочки меня не слишком жаловали. И чем старше мы были, тем напряженнее становились отношения с одноклассниками.

Моим закадычным другом был Сережка Молчанов. Мы жили в одном доме и с первого класса каждое утро встречались у подъезда. А после уроков вместе лазали по деревьям и трубам, сваленным около котельной во дворе, таскали котлеты щенкам дворовой собаки Жульки, пригретой доброй дворничихой тетей Марусей, весной тайком от родителей уезжали на пригородной электричке до ближайшей лесополосы, рвали подснежники и продавали их по двадцать рублей у автобусной остановки.

Правда, наш бизнес однажды был жестоко пресечен, когда нас забрал в участок патруль ППС. Когда я сказала свою фамилию – Раменская, дежурный тут же позвонил моему отцу.

И опять я неделю шипела сквозь зубы от боли, когда садилась.

Сережка тогда впервые увидел, как я побледнела, когда за нами приехал мой отец, и почувствовал, какой леденящий ужас меня охватил. Взял за руку и сказал, что если бы был взрослым, я бы ничего с ним не боялась.

Кроме Сереги друзей у меня не было. А вот врагов хватало. Злейшей моей «врагиней» была Светочка Крайнева, дочка завуча нашей школы, противной визгливой исторички Эльвиры Эдуардовны, которая имела прозвище «Швабра» за совершенно невероятный начес на голове. Светочка была под стать своей мамаше – такая же писклявая, вредная и вечно сующая свой нос во все дырки ябеда.

Пока наше детское сознание, не замутненное гормонами, было сосредоточено только на том, с кем ты пополам съедал яблоко, распиленное линейкой, и для кого отпрашивался в туалет

под конец урока, чтобы занять очередь в буфете за пирожками, все было не так плохо. В школе я не ощущала тяжелой давящей власти отца и дышала свободно.

Но после прощания с начальной школой все резко изменилось. За лето девочки повзрослели и начали потихоньку понимать свое отличие от мальчиков. И по закону подлости Светочка, вдруг осознавшая себя первой красавицей, обратила свой благосклонный взор на моего друга Серегу.

Он, еще совсем мальчишка, совершенно не понимал, чему обязан повышенному вниманию с ее стороны и всячески избегал. А вину за его поведение отвергнутая Светочка возложила на меня.

Это было началом войны. Жестокой и без правил.

Светочка устроила мне настоящую травлю. Почти все девчонки класса были ее подпевалами, и безропотно выполняли все указания. И так собственно, не имея подруг, я стала совершенным изгоем. Даже мальчишки, подчиняясь стадному инстинкту, потихоньку начали примыкать к этой игре «доведи до слез Раменскую». А поскольку заставить меня заплакать было очень непросто, мучители проявляли чудеса коварства и изобретательности. Школьная жизнь постепенно превращалась в сущий ад. Кнопки, подложенные на стул, записки на спине с обидными прозвищами, плевки в учебники, и жевательная резинка в волосах – это были только мелочи.

За меня заступался только Серега, но в седьмом классе пришел конец и нашей дружбе.

Как-то после школы компания из пятерых мальчишек подкараулила нас с Молчановым за школьной лыжной базой, за которой начинался довольно безлюдный пустырь.

Задвинув меня себе за спину к закрытой двери сарайчика, в котором наш физрук хранил лыжи и гордо называл его лыжной базой, Серега сжал кулаки и встал в защитную стойку, собираясь драться не на жизнь, а на смерть. Среди пацанов был один, бугай по кличке Ухват, из девятого, хулиган и двоечник. Его боялась вся школа: поговаривали, что он связался с бритоголовыми и ходил с ними на сходки – бить «черных». Я тоже приготовилась в меру своих девчачьих сил помочь другу в неравной схватке.

Но Ухват, сплюнув через зубы, примирительно сказал Сереге:

– Ты, пацан, иди своей дорогой. Нас попросили с девочкой поговорить. Не бойсь, мы нежно с ней поговорим. Синяков не оставим, у нее же папа мент. А может ей и понравится.

От его гадкой ухмылки меня затрясло, и к горлу подступила тошнота.

Серега только помотал головой и стиснул сильнее кулаки.

Но что мог четырнадцатилетний пацан против шестнадцатилетнего бугая и его четырех дружков?

Драка закончилась быстро. Серега с расквашенным носом остервенело вырывался из рук двух крепких ребят, а я замерла, глядя в наглые глаза Ухвата, который прижал меня к злощастному сарайчику.

– Не трогай, – прошипела я, – отец сделает из тебя отбивную.

– А ты ему не расскажешь, – нагло ухмыльнулся бугай.

Его ладонь вдруг провела по моей груди.

– Тю, – разочарованно протянул он. – Да тут и пощупать-то нечего. Плоская как доска. Доска два соска.

Он заржал, и меня обдало отвратительным запахом нечищенных зубов, табака и пива.

Я едва сдержала приступ дурноты.

Его рука вдруг сжала мое горло, вторая рванула пуговицу на джинсах, грубо, причинив мне боль, а пальцы залезли мне в трусики.

– А тут хоть волосики выросли?

Он больно, до слез ущипнул меня там, я закричала, но потная ладонь грубо зажала мне рот.

– Не ори, дура, а то хуже будет. Толян, помоги.

Третий мальчишка, стоявший немного поодаль, несмело подошел, явно смущаясь.

– Давай, стащи с нее штаны. Пусть ее дружок полюбуется. А то, небось, и не видал, что у телок между ног.

Он снова заржал, и я почувствовала, что меня сейчас вырвет.

Парень, которого называли Толян, видимо замешкался, потому что Ухват рывкнул на него:

– Чего стоим? Давай быстрее!

Дрожащими руками мальчишка потянул мои джинсы вниз, пытаясь стащить и трусики.

– Ну чего ты копаешься? – снова гаркнул на него Ухват. – Держи ее, я сам.

Толян прижал мои плечи двумя руками к сарайчику, а бугай грубо сдернул с меня джинсы.

Я опять закричала, дико, яростно. Отчаянно пытаюсь вырваться, забила в руках своих мучителей.

– Смотри, смотри, – сказал довольным голосом Сереге Ухват. – Правда, тут смотреть-то не на что. Целка она еще малолетняя.

И снова ущипнул меня между ног.

И тут я не выдержала. Меня вытошнило прямо на куртку Ухвату.

Он отшатнулся, матерясь, и залепил мне звонкую пощечину.

Я тихо сползла по двери сарайчика, натягивая джинсы и чувствуя, что теряю сознание.

Последнее, что помнила – были глаза Сереги. Жалость, отчаяние и стыд – вот что я там увидела. Я решила, что он стыдится меня. И в первый раз ощутила себя грязной. Будто липкие потные ладони этого бугая оставили на мне позорное клеймо, которое теперь никогда не отмыть.

Пацаны вместе с Ухватом разбежались. Сережка все стоял и смотрел на меня, а потом всхлипнул и убежал.

Так погибла наша дружба. На радость Светочке мы больше так и не смогли посмотреть друг другу в глаза. Правда, спустя недели две Серега все-таки нашел в себе силы и подошел ко мне. Виновато потупив глаза, он сказал, что не может себя простить за то, что трусил и убежал тогда. И что ему было просто очень стыдно. Не за меня. За себя. Мы неловко обнялись. Но той искренней настоящей дружбы больше не было.

В тот вечер я вернулась домой поздно, зареванная и в грязной одежде. Отец ждал меня в прихожей, с ремнем в руках. Не спрашивая, что со мной случилось, он схватил меня за волосы и потащил на кухню. И тогда, наверное, впервые, за меня заступилась мама. Вцепилась в отцовскую руку, уже занесенную надо мной.

Они страшно поругались. И он опять ее избил. Я слышала шлепки ремня, глухие стоны и звуки пощечин. Меня пронзил леденящий ужас и чувство вины. Мне показалось, что он ее убьет. Из-за меня. Я преодолела свой страх и на негнувшихся ногах прошла эти двенадцать шагов по коридору. Перестав дышать, рывком распахнула дверь в родительскую спальню.

Я никогда не забуду ее лицо. Адская смесь наслаждения и боли, страдания и неземного счастья. Мой детский мозг отказывался принять это. Намотав на кулак ее длинные кудри, отец грубо входил в нее сзади, рыча от удовольствия. На ее полупрозрачной коже на спине и ягодицах вспухли багровые рубцы. На полу валялся отцовский ремень.

Они даже не заметили меня. Я мышкой скользнула обратно в свою комнату, нырнула под одеяло и разрыдалась. Отчего-то снова почувствовала себя грязной. Порочной. Испорченной. Как там, на пустыре у сарайчика. Опять вспомнила потные ладони у себя между ног и стыд в глазах Сереги. Но внизу живота скрутился тугой узел, что-то пульсировало, жгло. Я осторожно опустила руку и погладила себя там. Это было приятно и страшно. Закрыла глаза и вновь увидела лицо мамы. И услышала, как ритмично шлепают бедра отца об ее иссеченный ремнем зад. Какая-то теплая волна начала подниматься снизу все выше и выше, кровь прилила к голове

и стучала в висках. Расслышала сквозь шум, как мама закричала. Дико, истошно. И это не было криком боли. В этот же момент я впервые в жизни кончила. И опять разрыдалась, от стыда и страха.

С тех пор я часто ласкала себя, когда они занимались любовью. Но однажды меня застал отец. Он высек меня линейкой по рукам и поставил на три часа на колени в угол. Совершенно голой. Запретив маме подходить ко мне. Я стискивала зубы, стараясь не разрыдаться. Когда я плакала и просила о пощаде, отец всегда только еще больше зверел. Я слышала, как тихо всхлипывает мама на кухне. И опять задыхалась от ненависти к себе.

Я продержалась в этой школе еще год. Чувствовала себя изгоем, постоянно ожидала гадостей от Светочки и ее подружек, без поддержки в лице единственного друга. Стала прогуливать, за что вызвали в школу отца. Не знаю, что именно сказала ему наша классная дама – строгая и чопорная «англичанка» Вера Петровна, но он на следующий же день забрал мои документы и перевел в другую школу.

Я вроде как получила еще один шанс. Школа, а точнее лицей, в который благодаря авторитету отца, меня взяли без вопросов, считался элитным. В нем училась «золотая молодежь» – детки чиновников, бизнесменов, и всех, кого больше волновала внешняя престижность учебного заведения, чем реальные знания, которые их отпрыски получали в его стенах. Кроме евроремота в классах и коридорах, приличных компьютеров и неплохой еды в столовой, этот лицей был ничем не лучше, если не хуже той обычной средней школы, в которой я училась раньше.

Оценки в школе покупались и продавались почти открыто. Когда я попыталась пожаловаться на это отцу – он только хмыкнул, достал бумажник и выложил передо мной несколько купюр, спросив, хватит ли этого.

Мне было противно платить за оценки, но так делали все. Я была новенькой. Пойти против установленного порядка значило снова стать изгоем. А я отчаянно не хотела повторения этого. Старалась изо всех сил хотя бы выглядеть такой как все, слиться, не выделяться.

В классе была своя сложившаяся элита: крашенная блондинка Валерия, которая манерно называла себя Вэл, одевавшаяся в дорогие шмотки, и приезжавшая в школу на «Лексусе» с шофером, ее парень Макс – сынок депутата городской Думы, наглый и заносчивый, лихо разъезжавший на скутере. Вокруг них крутилась свита, человек пять или шесть, смотревших этой парочке в рот и «шестеривших» перед ними. Я, как новичок, да к тому же не обладающая никакими выдающимися качествами – машиной, брюликами, шмотками, сверхпопулярными родителями, автоматически попала в аутсайдеры. Но меня это даже радовало. Какой-никакой авторитет за счет отца у меня все-таки имелся, и я не была всеми презираемой белой вороной.

С первых дней мое внимание привлекла девчонка, которую почему-то звали Елкой. Прозвище удивительным образом подходило ей – невысокой, угловатой, со странной прической – торчащими во все стороны острыми иглами начесанных и залаченных прядей. Характер был соответствующий – колючий, дерзкий, взрывной, немного шальной. Елка никогда не спускала никому дерзостей или издевок, находя такие слова, что обидчик через минуту уже жалел, что задел ее. Отчего-то Елка решила взять меня под свою опеку. Да и я испытывала к ней все большую симпатию.

Так у меня впервые в жизни появилась подруга. Мы с Елкой вскоре стали неразлучны. Она таскала меня с собой на тусовки металлистов, на дискотеки. Я, подражая ей, выпросила у родителей кожаную косуху, которую мы с ней довели до ума, добавив заклепок и цепочек, нацепила на шею собачий ошейник с металлическими шипами и проколола уши, вставив в них большие круглые кольца. Елка подбивала меня сделать еще татуировку и проколоть бровь, пупок или язык. Но мне не хотелось рисковать своей пятой точкой. Отец явно бы не одобрил этого. Приходилось таскать в рюкзачке средство для снятия макияжа, чтобы в подъезде стирать со своего лица «боевой раскрас» – почти черную помаду и густые стрелки.

Мы уже учились в десятом, когда Елка познакомила меня со своим старшим братом. Он называл себя Лекс, хотя на самом деле был Алексеем. Ему было двадцать два. В армии он не служил. Его папочка – владелец самого успешного в городе риэлтерского агентства, легко купил ему нужную справку. Лекс прожигал жизнь, гоняя на мотоцикле с девицами, распивая пиво на тусовках и изображая пресыщенного жизнью «ночного охотника». Такая неискушенная дуручка, как я, не могла не попасться. Я влюбилась. Безнадежно и смертельно. Как влюбляются в первый раз в шестнадцать лет. Смотрела на него снизу вверх как на божество. Передавала дышать, когда он случайно касался моей руки. Млела, когда он небрежно чмокал меня в щеку при встрече. Я ни на что не надеялась. Просто его боготворила.

Однажды мы тусовались у Лекса и Елки на квартире. Их родители улетели в Италию, и мы развлекались по полной. Пиво лилось рекой, в комнате стоял туман от выкуренных пачками сигарет. Я не курила и почти не пила, знала, чего мне будет это стоить. У меня в рюкзаке всегда лежал дезодорант и сменная одежда – джинсы и толстовка, упакованные в целлофановый пакет. Перед тем, как зайти к себе домой после таких тусовок, я всегда переодевалась в подъезде и тщательно сбрызгивала волосы дезодорантом. Это давало возможность проскользнуть в ванную, не выдав себя запахом табака и алкоголя.

В разгар веселья к нашей компании из восьми душ присоединился незнакомый парень. Лекс быстро проводил его на кухню и о чем-то с ним там разговаривал при закрытых дверях.

Парень уже собирался уходить, как дверь в квартиру с оглушительным грохотом и треском вылетела, и ворвались люди в черной униформе и масках.

Истошно визжали девчонки, парней оперативники профессионально укладывали лицом в пол.

Лекс, который оставался еще в кухне, быстро втащил меня туда же за руку и закрыл дверь. Потом сунул мне что-то в карман джинсов и зашептал на ухо, обнимая за талию и наклоняясь к моим губам, словно хотел поцеловать:

– Вик... Тебе ничего не будет, ты дочь мента... Ты же меня любишь? Я знаю... Хочешь меня спасти?

Я готова была отдать за него свою жизнь. Он и правда успел меня поцеловать, и я растаяла.

Но над ухом проорали:

– Отойди от нее! Руки за голову! Лицом к стене!

Бесцеремонно прижав к стене, оперативник бесстыдно облапал меня, обыскивая. Потом вытащил из моего заднего кармана несколько маленьких пакетиков и радостно выкрикнул:

– Есть! Давай понятых!

Дальше я ничего не понимала. Только помнила холодный металл наручников на запястьях, вонь милицейского узика с зарешеченными окошками и невыносимый ужас, когда меня втолкнули в крошечную комнатку с простым железным столом и прибитым к полу стулом.

Люди в штатском задавали какие-то вопросы, а я только смотрела широко открытыми от шока глазами и молчала.

Потом пришел отец. Выгнал всех из допросной. Закрыл дверь на ключ. Подошел и залепил мне пощечину, от которой у меня помутилось в глазах.

– Кто тебе подсунул это дерьмо? – прорычал он, белый от ярости, мне в лицо.

Я молчала, как партизанка на допросе. Поцелуй Лекса еще горел на губах, а его шепот «Хочешь меня спасти?» звучал в ушах.

– Дура, ты не понимаешь, что они подставили не тебя? Меня! – отец снова ударил меня по лицу, и рот наполнился противным соленым вкусом крови.

Захлопала глазами. Я спасала свою любовь! При чем тут мой отец?

Отец прошелся по комнате, пытаясь взять себя в руки. Присел передо мной на краешек стола и сжал в ладонях лицо, заставляя посмотреть прямо ему в глаза.

– Послушай, – тихо сказал он и меня приморозил ужас от этого спокойствия. – Ты, конечно, не сядешь. Я не могу этого позволить. Но ты должна сказать, кто этот ублюдок, что сунул тебе дурь. Слышишь? Ты понимаешь, что он тебя банально использовал? Сбросил наркоту, а сам в кусты.

Я не понимала. Не хотела понимать. Это не могло быть правдой. Лекс... Он не мог... не мог так со мной поступить. Не мог...

Отчаянно разревелась. Конечно, мог. Отец был прав. Осознание своей глупости окатило меня будто ледяной водой.

– Лекс. Алексей Литвинов.

– Вот и умница, – отец погладил меня по щеке. Я вздрогнула от этой непривычной ласки.

Лекса осудили на два года условно. А я потеряла сразу и подругу, и первую любовь. В их глазах я теперь была ментовской крысой. Отец организовал все так, что в суд меня не вызывали. Но я и так знала – никогда не смогу посмотреть в глаза ни Елке, ни Лексу. Обиды на него у меня не было. Только чувство вины за то, что сдала его. Не смогла спасти.

В школу я больше не вернулась. Мама, наверное, впервые настояла на своем, а отец впервые ее послушал. Экзамены за десятый класс я сдала экстерном.

А закончить одиннадцатый не пришлось.

Мама умерла. Пытаясь выносить отцу второго ребенка, хотя врачи запретили ей рожать. У нее был отрицательный резус-фактор и слабое сердце. Ее предупреждали – вторая беременность может стать роковой. Но отец так хотел сына.

После похорон я не разговаривала месяц. Не выходила из комнаты и почти не ела. Попала в психиатрическую больницу с диагнозом «анорексия». Отец решил все вопросы, и я получила аттестат зрелости и вполне приличные результаты по ЕГЭ, которые не сдавала.

Примерно месяц после выписки из психушки просидела дома в четырех стенах, пытаюсь сообразить, как жить дальше. Остаться в родном городке было совершенно невозможно. Я кожей ощущала, что была чужой, инородным телом, белой вороной. Словно выплеснутый грязным потоком на берег обрывок бумаги. Ненужный, никчемный. Нужно было начинать новую жизнь. А единственно достойным местом для этой новой жизни, конечно же, была столица.

Когда я заявила отцу, что уезжаю в Москву, он избил меня. Тем же ремнем. Бил долго, с наслаждением, все больше заводясь от моего упорного молчания. Потом сорвал с меня джинсы и продолжил избивать, хрипло дыша от накатывающего возбуждения. Я обернулась и увидела в его глазах похоть. И закричала. Страшно. По-звериному. Он остановился. Закрыв руками лицо. И ушел. До утра я прорыдала на полу, чувствуя себя грязной потаскухой. И поняла, что больше не люблю отца. Не могу любить. Такая тварь, как я, не может никого любить. Ненавидеть, презирать – может. Любить – нет. А утром замазала синяки тональным кремом, собрала вещи, вытащила деньги из отцовской заначки, что-то около двадцати тысяч рублей, и сбежала.

Глава 2. Владлен

Я знала, что отец может меня найти благодаря связям в органах, поэтому вместо Москвы поселилась в Зеленограде. Поступила в педколледж, в основном из-за общежития. Работала нянечкой в детском саду. Подрабатывала вечерами официанткой в кафе. Там и произошло одно знакомство, которое круто изменило мою судьбу.

Его звали Владлен. Сынок местного авторитета. Мажор. Наглый, жестокий. У него были золотая цепь, дорогие шмотки и часы, черный «бумер» и шайка прихвостней-ублюдков. Он был уверен, что весь мир в масштабе отдельно взятого Зеленограда лежит у его ног. А также, что безродная и нищая официантка должна целовать ему ноги за то, что их высочество обратило на нее внимание. А я не хотела. Не было в нем этого стержня. Настоящего мужского начала. Того, что заставляет таких, как я, ползти покорно на животе и вымаливать ласку или наказание. Он был слабаком. Мелким, ничтожным садистом.

Впервые я увидела его, когда их компания кутила в забегаловке, где я работала. Вип-столик в самом углу за перегородкой был не моей зоной обслуживания. Но в этот вечер моя напарница Любочка не вышла на работу из-за болезни младшего сынишки, и обслуживать шумную компанию пришлось мне.

Их было шестеро – трое парней и три вульгарно одетые, безвкусно накрашенные девицы. Они загоняли меня за пивом, водкой и шашлыками, скоро я не чувствовала ног. Пару раз даже пришлось сбегать в соседнюю палатку за сигаретами: той марки, которую потребовал один из парней, у бармена не оказалось. Я попыталась возмутиться, но администратор Андрей больно сжал мое предплечье и прошипел на ухо:

– Ты хоть знаешь, кто это гуляет? Это Владлен, сынок Бирюка. Он полгорода держит. Так что давай, мухой.

Было уже давно за полночь, но компания не собиралась расходиться. На мое робкое замечание, что рабочий день давно закончился, а мне завтра в колледж, Андрей только хмыкнул:

– Хочешь – вали. Только из таких, как ты, на улице очередь.

Сжала зубы и продолжила таскать новые бутылки с водкой, кружки с пивом и тарелки с шашлыком, вытряхивать заполненные окурками пепельницы, протирать стол, заплеванный и заляпанный.

Парни бесстыдно тискали в стельку пьяных девиц, одна уже сидела под столом между широко раздвинутых ног Владлена, а он, прикрыв глаза, довольно постанывал. Еще одну его дружок посадил на стол и жадно мямл ее грудь, задрал топик.

Я бросала на это непотребство косые взгляды, и один из таких взглядов перехватил Владлен.

– Эй, рыжая, – крикнул он мне. – Завидуешь, небось? Давай, иди сюда, я тебя приласкаю.

– Тискай своих шлюх, – буркнула я, и тут же получила тычок в бок от Андрея.

– Ого! Да она гордая, – заржал Владлен. – Иди сюда, крошка, не бойся, я не кусаюсь.

Андрей толкнул меня в спину по направлению к вип-столику.

Я подошла и стала вытирать стол. Владлен схватил меня за руку, отобрал тряпку и обнял за талию, усадив к себе на колени. Я попыталась вырваться, но он был сильнее. Парень прижал меня к себе и провел носом по шее.

– Ммм... Вкусно пахнет, – сказал он, – свеженькая. Может еще и целочка? А, детка? Хочешь, я буду твоим первым? Я хорошо умею трахаться. Будет сначала больно, но потом приятно.

– Пошел ты, – прошипела я и замахнулась, чтобы вlepить ему пощечину. Не успела, он перехватил мою руку, сжал больно, едва не сломав кость, и заломил за спину.

– Строптивая, – ухмыльнулся он, – ну ничего. Так даже интереснее. Может прямо тут, а ребята?

Пьяные дружки заржали одобрительно.

Я отчаянно посмотрела на Андрея. Перспектива, что в кафе сейчас устроят групповое изнасилование, видимо, ему не слишком понравилась.

– Эй, ребята, – примирительно подняв руки, сказал он, – может не надо? Все-таки заведение...

Владлен грубо столкнул меня со своих колен. Я отлетела, больно ударившись бедром о соседний столик.

– Да забери свою шлюшку. Больно много чести, – бросил он презрительно. Потом вынул из кармана пачку купюр, отсчитал несколько красноватых бумажек и кинул на стол. – Поехали отсюда.

Мы с администратором и барменом вздохнули с облегчением, когда пьяная компания, наконец, покинула кафе.

Работа в двух местах и учеба выматывала меня, я еле доползала до постели. На развлечения почти не оставалось ни времени, ни сил. Но впервые после школы я очень неплохо ладила в колледже с девчонками из группы, не ощущая себя изгоем. Может потому, что в основном все вертелись как я, разрываясь между учебой и работой. Женский коллектив в отсутствие раздражителей в виде особей мужского пола оказался вполне комфортным.

Общежитие нашего колледжа занимало третий и четвертый этажи старого кирпичного дома в центре города. На первом и втором жили работники завода вентиляционного оборудования. И вот однажды на вечеринке, которую устроила одна из девчонок нашей группы по случаю своего дня рождения, я познакомилась с Костей, тихим парнем, работавшим на заводе наладчиком станков с ЧПУ. Костика вместе с еще двумя ребятами пригласили девочки, сказав, что сидеть без парней глупо, особенно когда они всего-то этажом ниже. Двое других оказались побойчее, и через час уже вовсю клеили Маринку и Катьку – моих соседок по комнате. Костик не отводил от меня замороженных глаз и молчал.

Я не собиралась заводить никаких отношений. Но как-то незаметно мы стали встречаться. Ходить в кино, гулять в парке по выходным. Правда, выходных у меня было очень мало.

Костик был очень застенчивым и деликатным. Мы держались за руки, иногда я позволяла ему поцеловать себя в щеку, когда прощалась на лестничной клетке своего этажа. Он читал мне свои стихи и рассказывал, что на заводе оказался случайно, просто не поступил в Литературный Институт. А вообще он точно будет поэтом.

Прошло больше двух месяцев после нашего неприятного знакомства с Владленом, и я начала потихоньку забывать о нем. Как оказалось, зря.

Мы возвращались с Костиком из кино. Было уже довольно поздно и улицы – почти безлюдными.

У обочины резко затормозил черный БМВ.

– Эй, рыжая! Завела себе ухажера? А как же я?

Это был Владлен. И его прихвостни. Они громко смеялись и выглядели нетрезвыми.

– Получше никого не нашла? – Владлен нахально с издевкой разглядывал Костика с ног до головы. – Какой-то чмошник.

– Что вам нужно, ребята? – спросил он неуверенно и отпустил мою руку, явно испугавшись этих ублюдков. Я ощутила разочарование и поняла, что защищать он меня не будет. Рассчитывать снова приходилось только на себя.

– Что нам нужно? – насмешливо передразнил его Владлен, – ты нам точно этого дать не сможешь. Мы не любим мальчиков, нам нравятся девочки.

Он толкнул Костю в плечо, отчего тот пошатнулся и едва не упал, потом попытался обнять меня за плечи.

– Детка, зачем тебе такое ничтожество? Поехали с нами, потусим.

Я резко отбросила его руку и рывкнула:

– Никуда я с вами не поеду!

Шагнула к Косте и сжала его ладонь:

– Пойдем отсюда.

Но Владлен грубо схватил меня за плечо и развернул к себе.

– Зря ты грубишь, девочка. Я всегда получаю что хочу. А сейчас я хочу тебя. У тебя простой выбор: едешь добровольно, расслабляешься и получаешь удовольствие, или мы запи- хиваем тебя в багажник и трахаем потом всей компанией. Ну как?

– Пошел ты! – выкрикнула я, вырываясь из его рук.

– Ответ неверный, – ухмыльнулся Владлен и кивнул друзьям.

Один из его ублюдков достал из-за пояса пистолет и направил на Костика.

– Ты же не хочешь, чтобы мозги этого идиота растеклись по асфальту?

Владлен сильнее, до боли стиснул мое плечо, схватил поперек горла, прижал к себе спи- ной.

Костик побледнел, его губы затряслись.

– Считаю до трех. Садись в машину или Михей прострелит ему башку.

Владлен прошипел мне это на ухо и укусил за мочку. До крови.

– Раз.

Я смотрела на то, как все больше бледнеет лицо Кости, как дрожат его губы. Было жаль его. Он даже не попытался сопротивляться.

– Два.

И тут Костик всхлипнул и осел на асфальт.

– Фу черт, он описался, – сказал с омерзением парень, которого Владлен назвал Михеем, но пистолета не опустил.

Щелкнул предохранитель.

Костя заскулил. Жалко. Как собака, в которую бросили камнем.

– Что тут происходит? – раздался сзади решительный голос, и я обернулась. Надежда трепыхнулась, будто испугнутая птичка.

Это был полицейский патруль. Двое высоких, крепких ребят в форме, с дубинками и табельным оружием.

Михей тут же спрятал ствол за пояс брюк.

Я уже вдохнула поглубже, чтобы крикнуть «Помогите!», но рука Владлена закрыла мне рот.

– Ничего, – ответил он с улыбкой. – Вот застукал свою телку с другим.

Полицейские хохотнули. Я вырывалась, мычала и пыталась укусить жесткую ладонь, заткнувшую мне рот. Костик все также тихо скулил, сидя в луже на асфальте.

– Документики предъявим? – сказал сержант, усмехаясь.

– Нет вопросов, – ответил Владлен и обратился к своему другу, – Пайк, предъяви гос- подам полицейским документики.

Пайк полез в бумажник и достал оттуда несколько зеленых бумажек. Подошел к сержанту и всунул их ему в нагрудный карман, одновременно наклонившись к уху, и что-то шепнул.

Сержант посмотрел на Владлена, прищурившись, но потом спросил:

– А на ствол-то разрешение есть?

– Конечно, есть, – ухмыльнулся Владлен.

Пайк снова полез в бумажник. Еще несколько бумажек переключали в нагрудный карман сержанта. Тот помялся, козырнул и сказал:

– Вижу, все в порядке. Хорошего вечера.

Патруль растворился в темноте улицы. Мне захотелось взвыть от разочарования и омерзения.

– Ну что, детка, – сказал Владлен. – Решила? Или пристрелить эту падаль?

Михей достал пистолет и приставил его к виску Кости. Тот снова заскулил.

Владлен убрал ладонь.

– Не трогайте его, ублюдки, – я задыхалась от ярости и унижения.

– Вот и умница.

Он все еще прижимал меня к себе и вдруг провел языком по шее. Меня затрясло.

– Сладенькая, – шепнул он мне и больно ущипнул за грудь.

Владлен втолкнул меня в машину, на заднее сиденье, плюхнулся рядом. С другой стороны уселся Пайк. Михей спрятал пистолет и сел за руль.

Я понятия не имела, куда они меня везут. Владлен обнял меня одной рукой за плечо, прижав меня и не давая вырываться, а второй тискал мою грудь, лез за пояс джинсов. Я извивалась, пыталась брыкаться, а когда он попытался поцеловать меня, укусила его за губу. Он охнул и отвесил мне пощечину.

Наконец, машина притормозила, открылись какие-то ворота. Мы явно были за городом.

Как только мы остановились, и закрылись гаражные ворота, Владлен вытащил меня из машины и поволок куда-то наверх по лестнице. Распахнул дверь и втолкнул меня в комнату с большой двуспальной кроватью.

Я споткнулась о порог и растянулась на скользком паркетном полу, уткнувшись носом в коврик из шкуры перед кроватью.

– Правильно, сучка, – зло сказал Владлен. – Ползай на коленях перед своим хозяином.

– Ты мне не хозяин! – прошипела я и попыталась встать на ноги. Но он опять толкнул меня, не давая подняться.

– А кто тогда, если не я? – насмешливо спросил он, подойдя, и сунул мне под нос ногу в пыльном, нечищеном ботинке. – Целуй мне ноги, тварь!

– Пошел ты, – просипела я сквозь стиснутые зубы. Согнулась пополам от пинка в живот.

Пока я лежала, сжавшись в комок от боли и пытаясь вдохнуть, Владлен полез в тумбочку и достал оттуда наручники.

– Эй, где ты такого нахватался? – спросил Михей. Он и Пайк неловко топтались в дверях спальни.

– Папашка балуется со своими телками, – ухмыльнулся Владлен. – И на видео пишет. Я тут нашел недавно.

– Ух ты, – восхитился Михей. – Посмотреть дашь?

– А сейчас и посмотрим!

Владлен встал, отошел к шкафу и достал оттуда большую картонную коробку с дисками. Толкнул один в плеер и включил большой плазменный телевизор.

Я, наконец, смогла отдышаться и сквозь слезы увидела, как на экране две голые девицы ползали на коленях перед обрюзгшим мужиком в наколках. Меня затошнило.

– Ну что, сучка? – Владлен потянул меня за волосы, заставив посмотреть на него. – Готова поработать?

Я выругалась. Моя голова дернулась от хлесткой пощечины.

– Я заткну твой грязный рот, – прошипел Владлен, расстегивая штаны. – И только попробуй укусить меня. Пристрелю как собаку.

– Я бы не пытался, – хохотнул Пайк. – Гляди, какой зверюкой смотрит. Укоротит тебе достоинство.

В глазах Владлена мелькнул страх. Он видимо очень ценил эту часть своего тела. Рисковать не стал.

За волосы он втащил меня на постель и начал срывать одежду. Я рычала, извивалась, пытаюсь его ударить или укусить.

– Пайк, Михей, – бросил Владлен, запыхавшись от борьбы со мной, – чего встали!

Три пары сильных рук буквально распыли меня. Владлен уже успел снять с меня толстовку и футболку, дружки стянули джинсы. На запястьях защелкнулись наручники. Потом он сорвал с меня трусики и грубо затолкал их мне в рот.

– Теперь не будешь кусаться.

Дальнейшее я помню плохо. Было больно, мерзко... и опять больно... Я больше всего хотела отключиться, чтобы ничего не чувствовать. Но беспомощность не приходило.

Устав, он уселся в кресло напротив кровати, закурил и презрительно смотрел на меня, бесстыдно раскрытую, со стекающей по ногам его спермой, розовой от моей крови, с расцарапанной грудью, с разбитой губой и ссадинами на запястьях от наручников, которыми он меня приковал к кровати. Пайк и Михей нетерпеливо топтались рядом, пытаясь от возбуждения. Владлен ждал, что я буду дрожать и рыдать.

А я молчала. Он подошел, не понимая, почему я молчу. Тогда я плюнула ему в лицо. Он опешил от неожиданности и залепил мне звонкую пощечину. И еще одну. И еще. Он с наслаждением бил меня по лицу, возбуждался от этого. И снова насиловал. И снова бил.

Потом уступил меня своим дружкам. И опять насиловал.

Если бы не появился его отец, неизвестно, чем бы это все закончилось. Я, изнасилованная, избитая, с разбитыми губами и заплывшим глазом, чувствовала себя сильнее этого ничтожества и его дружков. При виде бритоголового папаша с бычьей шеей, бесцеремонно ворвавшегося в спальню с самым разгар «веселья», улюлюкал тихо сполз с меня и, подобрав штаны, растворился за дверью. За ним так же тихо последовали его прихвостни.

Папаша, увешанный золотыми цепями и синий от наколов, взглянув в мои глаза, понял все. Отстегнул наручники. Пока я разминала затекшие до синевы запястья, стоял у окна, отвернувшись. В полной тишине я оделась. Он достал пухлый бумажник, отсчитал пачку зеленых и положил передо мной. Я взяла их и ушла. Пешком шла по дороге в город, пока какой-то сердобольный дачник, дедуля лет шестидесяти, не подвез меня до общаги.

За два дня я уволилась из кафе, детского садика, забрала документы из колледжа. И уехала в Москву. Так бесповоротно и жестоко закончилось мое детство.

Я ехала в полупустой электричке и смотрела вперед невидящими глазами. Сухими. Слез не было. Потому что я не могла их себе позволить. Хотела ли я отомстить? Ненавидела ли я его? Конечно. Но больше я ненавидела себя. Я получила то, чего заслуживала. Оттраханная, избитая сука, которой заплатили деньги за ее позор.

Выйдя из вагона, я какое-то время стояла на перроне, не понимая, куда мне идти и зачем. Проходящие поезда манили закончить свое бессмысленное существование под их колесами. Но подумав, я решила, что это слишком легко для такой, как я. Я еще не искупила своей вины. Перед Лексом, которого сдала. Перед матерью, которую не смогла спасти. Перед отцом, которого едва не соблазнила. Перед Костей, который даже не пробовал сопротивляться.

Я бесцельно каталась по разным веткам метро, пока мой взгляд не упал на объявление о наборе персонала в ночной клуб «Спейсер». На глянцевой картинке в темно-бордовых тонах девушка в обтягивающем латексе прижимала палец к губам в жесте, призывающем к молчанию. Что-то было в ее глазах... Под ложечкой у меня засосало, словно я скоро узнаю ответы на свои вопросы.

Глава 3. Зимин

Клуб я нашла довольно быстро. В туалете поправила скрывающий синяки макияж, накрасила губы. Растянула их в дежурную улыбку. Меня замутило от самой себя.

В клубе царил полумрак и тишина. Толстые ковры в коридорах служебных помещений скрадывали шаги. Интерьер был мрачноватым, в черно-бордовых тонах. Обилие клеток, цепей, хромированных шестов и поручней, создавало жутковатый антураж, навеяв мысли о пытках и инквизиции. Сердце забилось сильнее, горло пересохло, в животе скрутился тугой узел.

Угрюмый охранник в черной майке, накачанные руки которого сплошь пестрели вычурными цветными татуировками, бесцеремонно втокнул меня в приемную управляющего.

Секретарша, крашенная в иссиня-черный цвет, с густо подведенными глазами в стиле «смоки айз» и ярко-красной помадой, окинула меня презрительным взглядом, задержавшись на разбитых губах и проступающих сквозь макияж синяках на скулах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.